

вать наличие определенной оценочности такой категории, как «доход», поскольку она не имеет законодательного закрепления. Однако при установлении содержания данной категории рекомендуется исходить из прямой экономической выгоды, которая может быть достигнута посредством того, что, например, в результате заключения антиконкурентного соглашения хозяйствующими субъектами расходы, необходимые для производства и реализации какого-либо товара, существенно снизились, ротация состава продавцов или покупателей товара привела к изменению цены товара в сторону уменьшения (фактически — установлению монопольно низкой цены).

Также нельзя обойти вниманием проблему установления признака «извлечение дохода в крупном размере», предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 178 УК РФ. Предложенная на практике (например, Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Тыва) методика суммирования цен заключенных контрактов представляется достаточно обоснованной. Так, использование единообразного толкования схожих признаков составов (тем более объединенных главой 22 УК РФ) и расчете дохода на основе пунктов 12 и 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» в данном случае допустимо. Это не про-

тиворечит принципу справедливости. В частности, уголовно-правовая оценка извлеченного дохода без вычета произведенных лицом расходов снижает степень общественной опасности ограничения конкуренции и тем самым может способствовать необоснованному избеганию виновными лицами уголовной ответственности. При этом такие термины, как «сопряжено» (применительно к ст. 171 УК РФ) и «повлекло» (применительно к ст. 178 УК РФ) имеют тождественное правовое содержание, что не препятствует единообразному толкованию схожих признаков составов указанных преступлений.

Таким образом, изложенные моменты демонстрируют правоприменительную сложность квалификации ограничения конкуренции по признакам «причинение крупного ущерба» и «извлечение дохода в крупном размере» и свидетельствуют о целесообразности законодательного пересмотра² конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ.

¹ Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // Российский следователь. 2016. № 13. С. 28.

² В частности, см.: Абакумова Ю.И. Ограничение конкуренции (ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации): состояние и отдельные проблемы квалификации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 4. С. 4-7.

Ступина С.А.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Современные социальные и криминологические реалии, которые не в полной мере учитываются при определении приоритетных направлений уголовной политики, свидетельствуют о недочетах в законодательной и право-

применительной деятельности, которые позволяют преступную деятельность трансформировать в сферу гражданских правоотношений.

Указанное особенно характерно для преступлений в сфере экономики.

Такое положение стало возможным не в один миг, а как следствие кумуляции отторжения специалистами правоохранительной сферы цивилистических начал. Заметим, что этого не лишена и законотворческая деятельность.

Зачастую криминалисты твердо убеждены, что положения гражданского законодательства для целей уголовного права должны быть использованы в несколько иной интерпретации, чем они понимаются непосредственно самим законодателем в рамках цивилистики.

Происходит то, о чем уже давно говорил И.Я. Фойницкий: «У нас в моде не обращать внимания на начала гражданского права при анализе уголовно-юридических вопросов, имеющих с ними самую тесную связь; эти начала свысока называют «тон» костями», упуская из виду, что гражданские и уголовные постановления писаны одним и те же законодателем и могут иметь свою задачу только охранение одних и тех же отношений. Ведь нельзя допустить, в самом деле, что по мысли закона одно и то же явление вызывает и не вызывает государственную охрану ввиду только того, к которому из отделений суда обратился потерпевший, нельзя думать что неправое, по закону в глазах одного суда является правым в глазах другого. Такое игнорирование начал гражданского права в высшей степени вредно отзываясь на прочности уголовно-юридической деятельности государства»¹.

Рассмотрим лишь малую часть вопросов важности всестороннего учета положений гражданского законодательства для уголовного права, и прежде всего для преступлений против собственности. Именно на примере этих преступлений наиболее ярко видны необходимость адекватного взаимодействия гражданского и уголовного права, а также воздействие норм частного права на уголовную политику, что справедливо отмечено в трудах А.Э. Жалинского, который отмечал, что «конечными последствиями взаимодействия норм уголовного (публичного) и гражданского (частного) права при регулировании сферы экономики являются: а) конкре-

тизация предмета ведения; б) программирование юридического толкования и, следовательно, реального содержания применяемых норм, что имеет особое значение вследствие распространенной бланкетности уголовно-правовых норм; в) выявление материально-ценностного содержания норм, включая оценку явно или неявно заложенной в них общественной опасности или социальной вредности, оценку вины, т.е. того состояния психического отношения к деянию, которое конституируется как юридически значимое; г) расширение веера видов юридической ответственности; д) возникновение профилактических предпосылок соблюдения уголовно-правового запрета, когда запрет одного вида поведения сопровождается указанием на другие, разрешенные виды поведения».

Итак, что касается преступлений против собственности.

Собственность – категория двуединая (экономическая и правовая). Не вдаваясь в экономическую составляющую отношений собственности, рассмотрим некоторые аспекты правовой сущности этих отношений, которые, как полагаем, могут оказывать влияние на правильную квалификацию.

Так, в субъективном смысле право собственности определяется через триаду таких правомочий субъекта гражданских правовых отношений, как владение, пользование и распоряжение имуществом. При этом в п. 1 ст. 209 ГК РФ указывается на собственника имущества, раскрывает комплекс указанных субъективных прав собственника имущества.

Соответственно, при установлении основного объекта преступлений главы 21 УК РФ необходимо определить собственника имущества, что позволяет говорить именно о посягательстве на отношения собственности.

Закономерно возникает вопрос о квалификации в случае посягательства на чужое имущество, которое находится у потерпевшего не на праве собственности, а на ином праве законного владения. Заметим, что в ГК РФ положения о праве собственности расположены в разделе II, посвященном не только пра-

ву собственности, но и иным вещным правам.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» отмечено, что «осуществляя в соответствии со статьями 71 (пункты «в» и «о») и 76 Конституции Российской Федерации регулирование оснований возникновения и прекращения права собственности и других вещных прав, договорных и иных обязательств, оснований и последствий недействительности сделок, федеральный законодатель должен предусматривать такие способы и механизмы реализации имущественных прав, которые обеспечивали бы защиту не только собственникам, но и добросовестным приобретателям как участникам гражданского оборота».

Уголовное законодательство в равной степени должно защищать все вещные права. Как следствие, положения УК РФ о преступлениях против собственности направлены на охрану иных вещных прав, а также защиту прав добросовестного приобретателя. Понятие последнего обоснованно устанавливать из положений ст. 302 ГК РФ.

В контексте этого обращают на себя внимание разъяснения, данные, к примеру, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» о том, что потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред.

Правда, с учетом изложенного по общественным отношениям, на которые

могут посягать преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, возникает закономерный вопрос о возможной модификации наименования рассматриваемой главы УК РФ.

Отдельного внимания заслуживают положения ГК РФ о моменте возникновения права собственности, поскольку если это право не возникло у лица, то посягательство не может нарушить права именно этого лица. Ориентир этому определен в ст. 223 ГК РФ, согласно которой прежде всего принимается во внимание момент передачи вещи, а в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации – момент такой регистрации.

При этом определенную ясность для возникновения права собственности при регистрации вносят совместное постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

Дополнительно следует учитывать и положения ст. 136 ГК РФ о праве собственности на плоды, продукцию, доходы, полученные в результате использования вещи. Важно не забывать и об указании в ст. 606 ГК РФ на то, что плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью. К примеру, учет вышеуказанных положений позволяет верно квалифицировать факты неправомерного изъятия древесины именно как хищение, а не относить их к категории гражданско-правовых отношений в случае неполной передачи заказчику заготовленной по договору древесины.

Что касается предмета преступлений против собственности, традицион-

но, исходя из положений УК РФ, им выступает чужое имущество. При этом в статьях о мошенничестве также говорится и о праве на чужое имущество.

Согласно ст. 128 ГК РФ имущественные права относятся к имуществу. Соответственно, можно трактовать понятие имущества в уголовном праве по аналогии с гражданским правом, что в таком случае может поставить точку в давних спорах ученых о праве на имущество как предмете преступления и нивелировать предложения о закреплении таких прав в отдельные составы преступлений против собственности.

В контексте анализируемого представляется несомненный интерес указание Пленума Верховного Суда РФ в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» на то, что к предмету вымогательства по смыслу ст. 163 УК РФ относятся в том числе и исключительные права.

Предметом исключительных прав выступают результаты интеллектуальной деятельности или приравненные к ним средства индивидуализации.

Согласно законодательному определению вымогательства (ст. 163 УК РФ) предметом этого противоправного деяния являются: чужое имущество, право на чужое имущество, действия имущественного характера.

Как же с этим соотносятся результаты интеллектуальной деятельности, указанные в ст. 1225 ГК РФ? Только в

части того, что исключительное право является имущественным правом.

Ну и нельзя не упомянуть о таком важном термине, как ущерб, установление которого как признака объективной стороны преступлений против собственности немисливо без его содержательной характеристики по ст. 15 ГК РФ.

Однако заметим, что в УК РФ применяется термин «ущерб», в то время как ГК РФ использует понятие «реальный ущерб».

Вместе с тем именно учет цивилистических начал при анализе понятий вреда, ущерба и убытков позволяет констатировать, что понятие «вред» по отношению к понятиям «убытки» и «ущерб» является более широким и отраслевым и в уголовном законодательстве под ущербом понимается именно реальный ущерб.

В целом можно еще много признаков составов преступлений против собственности рассматривать через призму положений гражданского законодательства, что, впрочем, актуально и для всех преступлений в сфере экономики. Именно это позволяет утверждать, что нельзя осуществить эффективную защиту личности, общества и государства без всестороннего учета начал гражданского права при анализе уголовно-правовых вопросов.

¹ Фойницкий И.Я. Мошенничество по действующему русскому праву. С.-Петербург, 1871. // Allpravo.Ru – 2005. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum4175/print4177.html#_ftn2.

Тулиглович М.А.,

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

«Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечест-

ва, активно же введенная в современность», – так писал в «Письмах о добром и прекрасном» величайший знаток отечественной и мировой культуры ака-